
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗДЕЛЕННЫХ ОБЩЕСТВ И ПОСТКОНФЛИКТНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

И.В. КУДРЯШОВА*

КАК ОБУСТРОИТЬ РАЗДЕЛЕННЫЕ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления современных исследований в области институциональной организации разделенных обществ, выделены линии научных дискуссий и обозначены проблемы тех или иных теоретических и эмпирических моделей, а также уточнен понятийный аппарат. Констатируется, что в настоящее время различные научные подходы (распределение власти, интегративное распределение власти, разделение власти) продолжают развиваться и приобретают новые измерения.

Ключевые слова: разделенные общества; постконфликтное урегулирование; распределение власти; разделение власти; этнический конфликт.

I.V. Kudryashova

How to accomplish stability in divided societies

Abstract. The article examines the main areas of contemporary research in the field of institutional organization of divided societies. It highlights the directions of discussion on the topic and indicates the problems embedded in a number of theoretical and empirical models, as well as explains the key terms. It is stated that at present dif-

* **Кудряшова Ирина Владимировна**, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, старший научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН, e-mail: kudryashova23@yandex.ru

Kudryashova Irina, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Science (Moscow, Russia), e-mail: kudryashova23@yandex.ru

ferent scientific concepts such as power sharing, integrative power sharing, power dividing etc. acquire new dimensions.

Keywords: divided society; post-conflict regulation; power sharing; power dividing; ethnic conflict.

Вопрос институционального выбора для разделенных обществ всегда находился в центре внимания и политологов, и политиков. Это вполне объяснимо – качество этого выбора во многом определяет достижение политической стабильности (понимаемой нами вслед за Я. Лустиком как формирование и воспроизводство таких пэттернов политического поведения, которые исключают незаконное политическое насилие и не вызывают у общественности сомнений относительно их устойчивости в обозримом будущем [Lustick, 1979]). Опираясь на базу данных о властных отношениях этнических групп¹, исследователи делают вывод о том, что кризисные ситуации порождает не этническая гетерогенность сама по себе, а определенные конфигурации власти: серьезные риски несут в себе как исключение этнических групп из центрального правительства, так и высокая сегментированность последнего [Wimmer, Cederman, Min, 2009, p. 317]. С 1946 по 2005 г. в мире произошло 110 этнических конфликтов, многие из которых делятся до сих пор². Как свидетельствует исторический опыт, межгрупповое насилие способно иметь глобальные последствия.

Поиск формулы представительства интересов конфликтующих сегментов, обеспечивающей не только их участие во власти, но и эффективность правительства, сопровождается горячими дебатами. Как правило, эксперты не подвергают сомнению только одну достаточно очевидную вещь: преимущество демократических институтов. По всем остальным вопросам – соотношению индивидуальных прав человека и прав меньшинства, распределению полномочий между президентом и парламентом, типам избирательных систем, нарезке избирательных округов, определению этнических квот, территориальному устройству разделенных политий, – их мнения разнятся [см., например: Ильченко, 2011; Sisk, 2002; Lake, Rothchild, 2005; Reilly, 2005;

¹ Ethnic power relations 3.0. – Mode of access: <http://www.epr.ucla.edu/>

² Ethnic armed conflict (EAC) version 3.01. – Mode of access: <http://www.epr.ucla.edu/>

Wolff, Weller, 2006; Norris, 2008; Selway, Templeman, 2012; Bird, 2014; Hartzell, Hoddie, 2015; Territorial autonomy... 2015]. Сам принцип распределения власти (*power sharing*) также не избежал общей участи быть подвергнутым сомнению: Ф. Рёдер, например, выступает против закрепления одной конфигурации представительства сегментов и отстаивает стратегию «общего государства» (*common state*) и разделения власти между правительством и гражданским обществом и между различными ветвями власти. В его логике аккомодация субкультурных различий должна быть основана на сотрудничестве между свободно формирующимися и изменяющимися коалициями большинства и меньшинств и в гражданском обществе, и во властных структурах [Roeder, 2005].

Отметим, что, несмотря на это исследовательское «многоголосие», принципиальной точкой расхождения во мнениях выступает один вопрос: на чем должен быть сделан приоритетный акцент – на включении сегментов в политический процесс с предоставлением соответствующих гарантий их прав или на создании институциональных стимулов к формированию умеренного межгруппового центра. И первое, и второе преимущественно оценивается не в нормативном ключе (хотя и это может иметь место), а инструментально, с точки зрения практической необходимости обеспечения стабильности. Как отмечает С. Вольф, рациональный выбор институционального дизайна предполагает, что конфликты могут регулироваться с помощью институциональных сделок, которые сохраняют прочность до тех пор, пока вовлеченные в них акторы имеют стимулы (власть, статус, безопасность, экономические преимущества и др.) их придерживаться – и тем самым воспроизводить [Wolff, 2010, p. 2].

Учитывая это расхождение, мы попытаемся представить анализ как логики условного «мейнстрима», так и некоторых других подходов к организации разделенных обществ. Прежде, однако, представляется существенным уточнить само понятие разделенного общества.

Общества: Фрагментированные, многосоставные, разделенные...

В книге «Демократия в многосоставных обществах» А. Лейпхарт отмечает, что стимул для создания эмпирической мо-

дели консоциативной демократии ему дала «теоретическая разработка проблем политической стабильности, в особенности классическая типология политических систем Г.А. Алмонда» [Лейпхарт, 1997, с. 40]. Как известно, в последней Алмонд обозначил, но подробно не рассмотрел промежуточный тип систем (страны Скандинавии и Нижние земли – Бельгия, Нидерланды, Люксембург), помещенный им между гомогенным и весьма стабильным англо-американским типом и фрагментированным и менее стабильным европейско-континентальным. В дальнейшем он предложил отнести скандинавские системы к англо-американскому типу демократии ввиду их высокой политической однородности.

Нидерланды, Бельгия, Австрия и Швейцария заслужили особое внимание Лейпхарта (кстати, уроженца Нидерландов) тем, что при высокой фрагментированности их политические системы оставались стабильными. Ученый объясняет этот феномен сотрудничеством лидеров различных групп с целью преодоления субкультурных противоречий [Lijphart, 1968]. В более поздних работах он заменил термин «фрагментированное общество» на «многосоставное» (*plural society*) и определил его как общество, разделенное сегментарными различиями религиозной, идеологической, языковой, региональной, культурной, расовой или этнической природы, которые совпадают полностью или частично с линиями политического противостояния [Лейпхарт, 1997, с. 38–50].

Термин «разделенное общество» имеет свою историю. Он был впервые использован Э. Нордлингером в книге «Регулирование конфликтов в разделенных обществах» (1972). Несмотря на такое название, Нордлингер в самом начале своей работы говорит, что ее темой является не управление конфликтами в разделенных обществах вообще, а регулирование конфликтов в глубоко разделенных обществах с открытыми (неавторитарными) режимами, и подчеркивает свой интерес к случаям «тяжелого исхода» политического конфликта [см.: Guelke, 2012, p. 6–7].

Определение глубоко разделенных обществ у Я. Лустика не фиксирует конфликты с «тяжелым исходом». Это общество, в котором «аскриптивные связи генерируют антагонистическую сегментацию, основанную на политически отчетливых конечных идентичностях, поддерживаемую в течение существенного промежутка времени и по широкому кругу вопросов» [Lustick, 1979, p. 325]. Исследователь полагает, что эта и другие дефиниции

(«многосоставное», «вертикально сегментированное», «коммунально разделенное» общество) могут быть использованы как синонимы, однако его акцент на аскриптивных связях как источнике сегментарных противоречий сужает понятие многосоставности Лейпхарта.

Х. Лернер, объясняя использование понятия «глубоко разделенное общество», привязывает его, как и Нордлингер, к «интенсивным и комплексным» социетальным конфликтам, но отсоединяет от демократических систем. По ее мнению, «пэттерны политического поведения в постконфликтных разделенных обществах отличаются от тех, что предполагаются в разделенных, но стабильных демократиях, где сильное чувство гражданской связи питает межгрупповое доверие» [Lerner, 2011, p. 30]. Для глубоко разделенных обществ характерны конфликты между группами, имеющими конкурирующие представления о своем государстве; сам конфликт выражен в столкновении социетальных норм и ценностей, в особенности касающихся национальной или религиозной идентичности [ibid., p. 31]. Сходной позиции придерживается П. Панов, который особо обращает внимание на «примордиализацию» любых отличительных признаков групп в таких обществах [Панов, 2013, с. 33–34].

Несмотря на отмеченные выше нюансы в подходах, термин «многосоставное общество» можно считать наиболее широким. Он включает в себя и вариант «глубоко разделенное общество», который достаточно редко используется для характеристики демократических систем с развитыми гражданскими структурами.

Еще один терминологически любопытный момент связан с тем, что под многосоставными обществами часто понимают этнически разделенные (мы сами сослались в начале этой статьи на базы данных о властных отношениях этнических групп и об этнических войнах, аргументируя значение институционального выбора для разделенных обществ). Между тем у Лейпхарта приведены и другие основания для формирования сегментов и сегментарных противоречий (см. выше).

Самое простое объяснение заключается в том, что этнические конфликты возникают в современном мире достаточно часто, а модель консоциативной демократии нередко проходит проверку именно в ходе постконфликтного урегулирования. Но что такое этнос? Научные школы предлагают разные ответы на этот вопрос.

Этнос определяют и как расширенную родственную группу, и как групповой инструмент борьбы за приобретение дефицитных ресурсов, и как продукт целевого социального конструктивизма. В российском общественно-политическом и научном дискурсе этот термин насыщен, как правило, примордиалистскими смыслами, т.е. этнос приравнивается к антропологической константе.

В дефиниции классика «культурного примордиализма» Э. Смита этнос предстает «типом культурной общности, которая подчеркивает значение мифа об общем происхождении и исторической памяти и которую можно выделить по одному или нескольким культурным основаниям – религии, обычаям, языку или институтам» [Smith, 1991, p. 20]. В таком контексте этнические характеристики могут трактоваться весьма расширительно.

Проблема (и источник многих конфликтов) состоит в том, что эти характеристики как символические узы родства и близости оказываются удобным средством национального строительства. Это предполагает политизацию общего происхождения, языка, истории и других объектов и, поскольку история знает мало примеров образования моноэтнических наций, ведет к появлению «этнических» победителей и аутсайдеров, готовых отстаивать свои права [Кудряшова, Мелешкина, 2009].

Вопрос о власти: Разделить нельзя интегрировать

Споры в литературе по политической организации разделенных обществ ассоциируются в первую очередь с двумя яркими фигурами – выдающимися компаративистами А. Лейпхартом и Д. Горовицем [см., например: Лейпхарт, 1997; Lijphart, 1999; 2007; Horowitz, 1985; Horowitz, 1991; 2014¹]. Первый выступает убежденным сторонником консоциативного подхода (лат. *consociatio* – сообщество), считая распределение власти между сегментами не только лучшим выбором для разделенных обществ, но и наиболее реалистичным – мажоритарные системы не могут быть использованы в таких обществах, поскольку системно исключают меньшие

¹ Реферат этой статьи Д. Горовица («Распределение власти в полиэтничных обществах: Три большие проблемы») опубликован в данном выпуске журнала «Политическая наука».

сегменты из процесса принятия решений. Последнее может с большой вероятностью порождать насилие и в итоге привести к распаду политической системы.

Теория консоциативной демократии основана на многолетних сравнительных наблюдениях за «работой» различных политических систем и не раз корректировалась. Это позволяет считать ее также эмпирической моделью. Отправной точкой консоциализма выступает сотрудничество элит (лидеров сегментов) с целью управления конфликтом.

Для этой политической формы характерны четыре структурные характеристики. Во-первых, большая коалиция, представляющая все значимые сегменты многосоставного общества. Она позволяет лидерам приходить к консенсусу по вопросам, представляющим взаимный интерес.

Во-вторых, пропорциональность как основное условие защиты групповых интересов при распределении ключевых государственных постов и ресурсов на всех уровнях (центральном, региональном, местном). Консоциализм подразумевает наличие многопартийности и пропорциональной избирательной системы; при этом могут иметь место сознательное завышение представительства меньшинства или паритетное представительство при наличии двух неравновесных сегментов.

В-третьих, взаимное право вето при принятии общественно важных решений, которое гарантирует соблюдение интересов меньшинств. Оно может быть оформлено законодательно или соблюдаться на основе неформальных договоренностей.

В-четвертых, высокая степень автономии групп в решении внутренних вопросов. Она может быть реализована в форме территориального федерализма или «корпоративного федерализма» (нетерриториальной автономии).

Стабильности консоциативной демократии (которая, несмотря на свое название, может функционировать и в обществах с гибридными режимами¹) способствуют некоторые условия (например, четкое разделение сегментов, баланс сил, наличие внешних угроз и небольшой размер страны) [Лейпхарт, 1997; Lijphart, 2007].

¹ Согласно выводам Е. Вавилиной, тип режима не оказывает влияния на выбор элит в пользу системы *power sharing*; главную роль в выборе играют интенсивность конфликта и этническая структура населения [Вавилина, 2015].

Консоциативная демократия имеет и другие институциональные характеристики, однако для нас в первую очередь важно зафиксировать тот момент, что инклюзивная политика в отношении сегментов (т.е. их широкое представительство в парламенте и правительстве) не сопровождается продвижением умеренных политических установок и ориентаций (последнее чрезвычайно важно для судьбы реформ в переходных обществах). Как отмечает Я. О'Флинн, пропорциональная избирательная система, уверенно обеспечивая представительство групп меньшинств при невысоком избирательном пороге и достаточно крупных избирательных округах, поощряет и взлет радикализма, шовинизма и ксенофобии. Более того, экстремистская риторика может помочь умеренным силам обыграть радикалов в своем сегменте – и впоследствии им будет трудно отказаться от нее. Радикалы в коалиции опасны не столько тем, что могут использовать право вето, блокируя принятие решений, сколько тем, что изображают попытки достичь компромисса как признак слабости группы [O'Flinn, 2007, p. 735–736].

Интересный исследовательский проект осуществил коллектив под руководством Я. Лустика. Смоделировав возможные паттерны политического поведения меньшинств при тех или иных условиях в виртуальной мультикультурной, мультиэтнической и мультирегиональной стране Бейта (Beita), ученые пришли к выводу, что консоциативная система поддерживает тенденцию к укреплению этнополитической идентичности и мобилизации крупных групп меньшинств [Lustick, Miodownik, Eidelson, 2004].

Как утверждают Дж. МакГарри и Б. О'Лири, условию большой коалиции в этой системе придается чрезмерное значение, потому что на деле консоциативные механизмы становятся работоспособными по мере преодоления субкультурных границ и развития чувства общности. Это соображение подвигло их к выделению альтернативных видов консоциаций: к «единодушной» (т.е. собственно большой коалиции) они добавили «совпадающую» (*concurrent*), где исполнительная власть имеет поддержку большинства в каждом значимом сегменте, и «слабую», где исполнительная власть имеет только частичную поддержку в одном или нескольких сегментах. По их твердому убеждению, в последнем случае консоциализм недемократичен [McGarry, O'Leary, 2004]. Следуя этой логике, они выступают не за корпоративное, а за либеральное распределение власти, поощряющее любые группы с отчетливой политической

идентичностью, в том числе трансгруппового характера, к участию в демократических выборах [McGarry, O'Leary, 2007, p. 675–676].

Дж. Селвэй и Х. Темплмен на основе количественного анализа случаев конфликта в 101 стране (106 режимов) также делают огорчительное для сторонников консоциализма заключение, что основные институциональные рекомендации Лейпхарта приводят к более высоким уровням политического насилия, чем обычно принято считать [Selway, Templeman, 2012].

Однако главным критиком институционализации сегментарных различий через пропорциональную систему представительства выступает Д. Горовиц. Особую весомость позиции ученого придает наличие альтернативного проекта. В целом в его критической аргументации можно выделить две основные линии: во-первых, поддержание межсегментных границ не отвечает интересам стабильности, а во-вторых, наличие у лидеров большинства возможности самостоятельно контролировать все политические структуры не создает стимулов к сотрудничеству с сегментами меньшинств.

Горовиц убежден, что в разделенных обществах политическая система должна быть организована таким образом, чтобы способствовать «рассеиванию» конфликта и созданию демократических стимулов к строительству умеренных коалиций поверх этнических расколов. Для этого предложены следующие механизмы: рассредоточение власти, во многих случаях территориальное, которое увеличит число властных центров и охладит накал борьбы в единственной точке ее сосредоточения (*focal point*); деволуция власти и резервирование должностей на этнической основе, чтобы усилить соревновательность внутри групп на местном уровне; поощрение межсегментных сделок, например принятие электорального законодательства, способствующего формированию предвыборных коалиций путем создания «пула голосов»¹; политика поддержки альтернативных социально-классовых или территориальных объединений, перекрывающих межсегментные расколы;

¹ Д. Горовиц использует выражение «*vote pooling*», подразумевающее межпартийные договоренности об объединении голосов избирателей из разных сегментов и обмен ими при необходимости; сотрудничеству способствуют следующие системы: а) преференциальная система альтернативного голоса; б) смешанные листы с общим списком избирателей; в) одномандатные округа с этнически гетерогенным составом избирателей.

снижение неравенства между сегментами благодаря эффективному распределению ресурсов [Horowitz, 1985, p. 595–600]. Немалое внимание уделяется обоснованию необходимости сильной президентской власти с избранием президента по формуле, предусматривающей широкое распределение поддержки среди избирателей.

Основные замечания критиков Горовица и его последователей можно изложить так: недостаточность практического опыта, говорящего в пользу применения предлагаемого пакета рекомендаций; неясность появления мотивации лидеров групп (особенно крупных) к созданию умеренных коалиций; опора на мажоритарные виды избирательных систем, не позволяющих учесть весь спектр интересов; неясность мотивации избирателей к поддержке «чужих» партий и объединений.

Недавняя статья Горовица [Horowitz, 2014], которую можно считать своеобразным итогом его более чем тридцатилетней работы по проблематике разделенных обществ, сочетает в себе критику и самокритику. Он выделяет в ней три серьезные проблемы, обычно не замечаемых или не упоминаемых в исследованиях, посвященных межэтническому политическому примирению.

Первая проблема касается как раз практической применимости консоциативных или интегративных механизмов. Вторая обусловлена опасностью деградации электоральных договоренностей, заключаемых лидерами сегментов при формировании умеренной коалиции в рамках центристского режима. Третья является обычным следствием консоциализма: там, где создаются жесткие гарантии, включающие право вето меньшинства, существует высокая вероятность иммобилизации всей политической системы. Другие недостатки обеих моделей распределения власти Горовиц считает относительными: их можно корректировать.

С чем связаны неудачи практики постконфликтного урегулирования? Это асимметричные предпочтения групп большинства и меньшинства, прежде всего в отношении консоциации. Это общее желание избегать рисков и боязнь нового в этнической политике. Это наличие неоправданных ожиданий (например, в результате заимствования институтов, успешно функционирующих в стабильных демократиях) и исторических предубеждений. Это ограниченность кругозора части групповых лидеров и, наконец, наличие альтернатив урегулированию (продолжение военных действий или сецессия).

Деградация электоральных соглашений может привести к тому, что центристские коалиции будут не в состоянии привлечь достаточное количество голосов. Это случается из-за известной нелюбви этнического большинства к ограничениям своего мажоритарного правления, будь они консociативного или центристского характера. Серьезный вызов этим соглашениям представляет собой слабость закона во многих переходных обществах – когда электоральные комиссии и суды не в состоянии выдержать давления, все договоренности также оказываются под ударом.

Третья проблема тесно связана со второй: если центристские соглашения иногда перестают исполняться, то консociативные договоренности бывает очень сложно пересмотреть. При изменении баланса сил предписанные консociативной теорией инклюзивное правительство и право вето меньшинств вполне могут вызвать такое же возмущение большинства, как и центристские режимы, ориентированные на компромиссные решения. В результате система не может обеспечить принятие политических решений и оказывается неэффективной.

Все эти проблемы пока не имеют готовых решений, поскольку связаны не только с формальными институтами, но и с общественными настроениями и ориентациями. Перспективу Горюхи видит в глубоких социальных и экономических изменениях, которые способны разрушать вертикальные перегородки по мере повышения уровня жизни, формирования среднего класса и снижения религиозности. Непосредственный толчок к изменению привычных форм политического поведения и организации могут дать любые кризисные явления, требующие быстрой реакции системы и коллективных решений [Horowitz, 2014].

За пределами *power sharing*

Встает вопрос: а что политическая наука может противопоставить «большим проблемам» систем распределения власти? Есть ли в ее арсенале иные подходы к институциональной организации разделенных обществ?

Выше мы упоминали о концепции Ф. Рёдера, получившей название системы разделения власти (*power dividing*). Ее ядром является ставка на формирование коалиций «по интересам» (в их

состав могут входить различные участники), а несущей конструкцией – четкое разделение властей, которое характерно для президентских систем, мажоритарная избирательная система и высокий уровень защиты индивидуальных прав и свобод.

Рекомендации Ф. Рёдера по постконфликтному урегулированию сводятся к следующему: поддерживать следует такие политические образования, где население готово жить вместе и имеет «национальное чувство»; правительству нужно минимизировать количество спорных вопросов, решаемых на уровне центра; первоочередное внимание должно быть уделено строительству местных институтов; в процесс переговоров по будущему государственному устройству необходимо вовлекать не только представителей четко очерченных этнических групп, но и других участников; любое распределение власти требуется ограничить в пользу прямого управления международного сообщества [Roeder, 2005, p. 62–63].

Поскольку практика реализации подобного проекта в постконфликтном урегулировании отсутствует (для иллюстрации своих идей Рёдер в основном использует исторический опыт США), можно оценить его лишь с точки зрения исследовательской логики. Действительно, ожидаемые преимущества системы *power dividing* высоки [см.: Roeder, 2010], поскольку она максимально направлена на слом вертикальных перегородок и развитие гражданских прав и свобод. Сомнение вызывает, однако, положение о наличии национального чувства (*a sense of nationhood*) и присутствии гражданской идентичности на индивидуальном уровне как отправной точке урегулирования. Даже если и первое, и вторая формировались до конфликта, процесс их восстановления не может проходить быстро. Отсутствие же чувства общности и доверия препятствует созданию свободных коалиций групп большинства и меньшинств, а также индивидуальному выбору. В действительности существует невысокая вероятность становления демократии в полиэтничном обществе с политически активными сегментами, имеющими территориальную привязку; альтернативами выступают сецессия и откат к авторитаризму [Харитоновна, 2013, с. 202–203].

О трудностях установления межгруппового доверия даже при демократическом режиме свидетельствует случай Северной Ирландии, где вопрос об использовании флагов и эмблем, а также проведении традиционных массовых парадов по случаю религиозных праздников и исторических событий (т.е. символов идентич-

ности общин) остается до настоящего времени самой сложной сферой межгрупповых переговоров [Archick, 2015, p. 15]. Как представляется, эта модель может присутствовать в постконфликтном урегулировании скорее в качестве стратегической цели.

Я. О'Флинн, Р.С. Ласкин и другие сторонники делиберативной демократии предлагают уделять большее внимание нормативной стороне постконфликтного урегулирования [O'Flynn, 2007; 2010; *Deliberating across...* 2014]. По их мнению, и Лейпхарт, и Горовиц прагматически подходят и к принципу инклюзивности, и к формированию умеренного центра, поскольку прежде всего заинтересованы в политической стабильности и поиске инструментов ее обеспечения. Однако ценность инклюзивности и умеренности не может быть ограничена инструментальными рамками, поскольку обе они выступают ключевыми условиями для политического равенства.

В этой логике инклюзивность означает включение в процесс принятия решений на равных условиях всех, кто подпадает под действие этих решений. Связь между умеренностью и политическим равенством сложнее: это готовность смягчать требования, исходя из признания равного статуса всех участников. Такой подход требует создания общественного пространства, в котором граждане разделенного общества могли бы включаться в обсуждение различных вопросов поверх межгрупповых барьеров. Соответственно, государственная политика должна способствовать повышению удельного веса дискурсов в общественной сфере.

Предвосхищая критику относительно возможностей публичного обсуждения законодательных актов, открытости, терпимости к чужому мнению и готовности принять во внимание чужое мнение в постконфликтных условиях, ученые отмечают, что в тех случаях, когда существует общее согласие положить конец насилию, принципы становятся очень важными и что «взаимное признание разумности» является центральным элементом любой успешной попытки перехода к демократии. Мирные соглашения начинают жизнь как прагматичная сделка, но в интересах мира и общественного развития они должны встать выше взаимной выгоды и, в частности, отражать приверженность основным демократическим принципам.

В качестве примера эффективности делиберативного подхода Ласкин и его коллеги анализируют вовлечение протестантской и католической общин в Оме (Северная Ирландия) в дискурс о

развитии местных школ. Взаимный интерес к обучению детей обусловил смягчение позиций сторон – и в итоге были найдены конструктивные решения [см.: *Deliberating across...* 2014]. Согласно О'Флинну, механизм, который продвигает умеренность, должен быть заложен не на уровне избирательной системы, а на уровне центральных институтов власти [O'Flynn, 2007, p. 748–749]. В целом та идея, что элиты сегментов в постконфликтном обществе не должны забывать о перспективах совместного общежития и должны уделять внимание ценностным основам постконфликтного национального строительства, представляется очень важной.

Недостаточно освещенной в политической науке остается тема политического контроля в разделенных обществах – контроля, устанавливаемого ведущей группой и практически исключаящего распределение власти. По метафорическому выражению Я. Лустика, систему контроля олицетворяет кукловод, дергающий кукол за веревочки, тогда как консоциативную систему – аккуратно настроенные и очень точные весы [Lustick, 1979, p. 332]. Общества «кукловодов» в основном рассматриваются в рамках изучения авторитарных режимов, хотя наряду с насилием (или угрозой насилия) в них применяются различные политические и экономические механизмы и институциональные техники, которые представляют значительный интерес для изучения.

Еще одна альтернативная линия исследований организации разделенных обществ вырисовывается в теме правозащитных сессий (*remedial secession*). Предложивший этот термин юрист-международник Л. Бакхейт рассматривает правозащитную сессию как последнюю из возможных форм защиты прав группы от угнетения государством [Buchheit, 1978, p. 222]. Его концепция находит свое подкрепление в инверсном толковании «защитительной оговорки» (*the safeguard clause*) в отношении принципа территориальной целостности в Декларации о принципах международного права, которая запрещает санкционирование или поощрение любых действий, ведущих к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов и имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории [Декларация о принципах...

1970]. Инверсное толкование этого положения позволяет сделать вывод, что государство, не имеющее правительства, равно представляющего весь народ, не обладает и правом ссылаться на существование принципа территориальной целостности, чтобы ограничить применение права народов на самоопределение. Однако ни один правовой институт до настоящего времени не принял документа, предоставляющего в каком-либо случае право на сецессию.

Концепция «правозащитной сецессии» имеет сторонников в политологическом сообществе, из которых наиболее известен А. Бьюкенен [Buchanan, 1991; 2004]. Именно он сформулировал основной аргумент концепции: «Если государство настойчиво продолжает совершать серьезную несправедливость по отношению к отдельной группе и формирование группой собственной независимой политической единицы выступает последним возможным средством защиты, то международное сообщество должно признать ее право отказаться быть под властью государства и попытаться создать свою собственную независимую политическую единицу» [Buchanan, 2004, p. 335].

Поскольку тренды развития современной международной системы не исключают возникновения новых государств [см.: Кудряшова, 2011], вопрос о сецессии и праве на нее остается в центре внимания научного сообщества. Так, оппонентом Бьюкенена выступает Д. Горовиц, который убежден, что сецессия не только не решает проблему конфликта, насилия или угнетения меньшинств, но может усугубить ее [Горовиц, 2013, с. 189]. Дж. Дей, однако, полагает, что, хотя право на сецессию не признано, международное сообщество стало ближе к одобрению сецессии в случае, когда государство совершает преступления против человечности в отношении территориально сконцентрированного меньшинства [Day, 2012, p. 32].

Заключение

Тема институциональной организации разделенных обществ остается очень важной не только для научного сообщества, но и для специалистов, разрабатывающих и претворяющих в жизнь планы постконфликтного урегулирования. Она дала жизнь устойчивому дискурсу, в котором постоянно возникают новые идеи и подходы и переосмысливаются старые. Эта область политических

исследований как нельзя лучше иллюстрирует тесную связь политической науки и политической практики.

Критика той или иной модели – например, консоциативной демократии или центристского режима – вовсе не означает, что она плоха и далека от жизни. Во-первых, никакая модель не может быть реализована полностью; во-вторых, как убедительно показал научный путь А. Лейпхарта, любая модель может корректироваться; в-третьих, наработанный теоретический арсенал имеет очень большое значение для осмысления проблем разделенных обществ и выработки оптимального направления при переходе от конфликта к миру; в-четвертых, возможно формирование и использование гибридных моделей.

В теоретико-методологическом аспекте рассматриваемое направление уже вышло за рамки институционализма, уделяя значительное внимание восстановлению межгруппового доверия, в том числе через формирование общественного дискурса и продвижение общечеловеческих ценностей. Сам институциональный выбор расширяется за счет учета взаимодействия формальных и неформальных институтов, комплементарность которых имеет первостепенное значение для переходных обществ. Постепенно приходит понимание того, что предлагаемый пакет институциональных решений должен подходить именно тому обществу, в котором он будет реализован, т.е. соответствовать его социальной структуре, культуре и традициям.

На наш взгляд, важно учитывать те риски, которые несет разделенным обществам глобализация. Во многих случаях она осложняет управление культурным многообразием, стимулирует рост этнического национализма и активности трансграничных групп. Это означает, что для поддержания стабильности важны хорошие отношения с соседями и формирование региональных комплексов безопасности.

Список литературы

- Вавилина Е.А. Модель power-sharing как инструмент урегулирования этнополитических конфликтов // Вестник Пермского университета. Серия: «Политология». – Пермь, 2015. – № 1 (29). – С. 94–110.
- Горовиц Д.Л. Разрушенные основания права сецессии // Власть. – М., 2013. – № 11. – С. 189–191.

- Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятая 24 октября 1970 года Резолюцией 2625 (XXV) на 25-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (Дата посещения: 20.11.2015.)
- Ильченко М.С.* Федеративные механизмы в разрешении этнических конфликтов: Переговорный процесс за рамками формальных правил // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2011. – № 1. – С. 170–190.
- Кудряшова И.В., Мелешикина Е.Ю.* Этнические меньшинства и национальное строительство на постсоветском пространстве: к постановке исследовательской проблемы // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2009. – № 2(5). – С. 45–55.
- Кудряшова И.В.* Можно ли легитимировать сепаратизм, или О государственной состоятельности новых политий // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2011. – № 2. – С. 75–104.
- Лейтхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.
- Панов П.В.* Институциональная устойчивость фрагментированных политий // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 3. – С. 31–49.
- Харитонова О.Г.* СФРЮ: Институциональные проблемы этнической федерации // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 3. – С. 190–204.
- Archick K.* Northern Ireland: The peace process / Congressional research service. 2015. – March 11. – 23 p. – Mode of access: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/RS21333.pdf> (Дата посещения: 18.11.2015.)
- Bird K.* Ethnic quotas and ethnic representation worldwide // International political science review. – Beverly Hills, Calif., 2014. – Vol. 35, N 1. – P. 12–26.
- Buchanan A.* Secession: The morality of political divorce from Fort Sumter to Lithuania and Quebec. – Boulder, CO: Westview press, 1991. – 174 p.
- Buchanan A.* Justice, legitimacy and self-determination: Moral foundations for international law. – N.Y.: Oxford univ. press, 2004. – 520 p.
- Buchheit L.C.* Secession: The legitimacy of self-determination. – New Haven: Yale univ. press, 1978. – 260 p.
- Territorial autonomy in the shadow of conflict: Too little, too late? / Cederman L.-E., Hug S., Shädel A., Wucherpfennig J. // American political science review. – Washington, D.C., 2015. – Vol. 109, N 2. – P. 354–370.
- Day J.* The remedial right of secession in international law // Potentia. – Ottawa, 2012. – Fall / Automne, Iss. 4. – P. 19–34.
- Guelke A.* Politics in deeply divided societies. – Cambridge, Maiden: Polity press, 2012. – 240 p.
- Hartzell C., Hoddie M.* The art of the possible: Power sharing and post-civil war democracy // World politics. – Baltimore, MD, 2015. – Vol. 67, Iss. 01. – P. 37–71.
- Horowitz D.L.* Ethnic groups in conflict. – Berkeley, CA: Univ. of California press, 1985. – 697 p.
- Horowitz D.L.* A democratic South Africa? Constitutional engineering in a divided society. – Berkeley, CA: Univ. of California press, 1991. – 293 p.

- Horowitz D.L.* Ethnic power sharing: Three big problems // *Journal of democracy*. – Baltimore, MD, 2014. – Vol. 25, N 2. – P. 5–20.
- Lake D.A., Rothchild D.* Territorial decentralization and civil war settlements // *Sustainable peace: Power and democracy after civil wars* / Ed. by Roeder Ph.G., Rothchild D. – Ithaca: Cornell univ. press, 2005. – P. 109–132.
- Lerner H.* Making constitutions in deeply divided society. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2011. – 272 p.
- Lijphart A.* The politics of accommodation: Pluralism and democracy in the Netherlands. – Berkeley: Univ. of California press, 1968. – 222 p.
- Lijphart A.* Patterns of democracy. – New Haven, CT: Yale univ. press, 1999. – 351 p.
- Lijphart A.* Thinking about democracy: Power sharing and majority rule in theory and practice. – N.Y.: Routledge, 2007. – 305 p.
- Deliberating across deep divides / Luskin R.C., O'Flynn I., Fishkin J.S., Russell D. // *Political studies*. – Guildford, 2014. – Vol. 62, Iss. 1. – P. 116–135.
- Lustick I.* Stability in deeply divided societies: Consociationalism versus control // *World politics*. – Baltimore, MD, 1979. – Vol. 31, Iss. 03. – P. 325–344.
- Lustick I., Miodownik D., Eidelson R.J.* Secessionism in multicultural states: Does sharing power prevent or encourage it? // *American political science review*. – Washington, D.C., 2004. – Vol. 98, N 2. – P. 209–229.
- McGarry J., O'Leary B.* Introduction: Consociational theory and Northern Ireland // *The Northern Ireland conflict: Consociational engagements*. – Oxford: Oxford univ. press, 2004. – P. 1–60.
- McGarry J., O'Leary B.* Iraq constitution of 2005: Liberal consociation as political prescription // *International journal of constitutional law*. – Oxford, 2007. – Vol. 5, N 4. – P. 670–698.
- Norris P.* Driving democracy: Do power-sharing institutions work? – N.Y.: Cambridge univ. press, 2008. – 320 p.
- O'Flinn I.* Divided societies and deliberative democracy // *British journal of political science*. – L., 2007. – Vol. 37, Iss. 04. – P. 731–751.
- O'Flinn I.* Democratic theory and practice in deeply divided societies // *Representation*. – L., 2010. – Vol. 46, Iss. 3. – P. 281–293.
- Reilly B.* Does the choice of electoral system promote democracy? The gap between theory and practice // *Sustainable peace: Power and democracy after civil wars* / Ed. by Roeder Ph.G., Rothchild D. – Ithaca: Cornell univ. press, 2005. – P. 159–171.
- Roeder Ph.G.* Power dividing as an alternative to ethnic powersharing // *Sustainable peace: Power and democracy after civil wars* / Ed. by Roeder Ph.G., Rothchild D. – Ithaca: Cornell univ. press, 2005. – P. 51–82.
- Roeder Ph.G.* Power dividing. – 2010. – 27 p. – Mode of access: <http://www.ethnopolitics.org/isa/Roeder.pdf> (Дата посещения: 27.11.2015.)
- Selway J., Templeman Kh.* The myth of consociationalism? Conflict reduction in divided societies // *Comparative political studies*. – Thousand Oaks, CA, 2012. – N 45 (12). – P. 1542–1571.
- Sisk T.D.* Power sharing and international mediation in ethnic conflicts. – Washington, D.C.: United States Institute of peace, 2002. – 143 p.
- Smith A.* National identity. – L.: Penguin, 1991. – 227 p.

Wimmer A., Cederman L.-E., Min B. Ethnic politics and armed conflict: A configurational analysis of a new global dataset // *American sociological review*. – Menasha, Wis., 2009. – Vol. 74 (April). – P. 316–337.

Wolff S., Weller M. Self-determination and autonomy: A conceptual introduction // *Autonomy, self-governance, and conflict resolution: Innovative approaches to institutional design in divided societies* / Ed. by Wolff S., Weller M. – N.Y.: Routledge, 2006. – P. 1–25.

Wolff S. Consociationalism, power sharing, and politics at the center. – 2010. – Mode of access: <http://www.stefanwolff.com/files/Consociationalism,%20Power%20Sharing,%20and%20Politics%20at%20the%20Center.pdf> (Дата посещения: 12.11.2015.)